

Михаил Акимов

Через полчаса будет готово!

Как я начал писать

Первое литературное произведение я создал, когда мне было лет шесть. Как и положено всякому истинно литературному произведению, оно было основано на реальных событиях: я получил за что-то от мамы серьёзный нагоняй и, донельзя разобиженный, ушёл в свою комнату, достал чистую тетрадку и написал печатными буквами (иными тогда и не умел): «Мама дура».

С фразой Чехова о том, что краткость — сестра таланта, я тогда знаком не был, но чисто интуитивно прочувствовал, что произведение носит законченный характер, и продолжать не стал.

Дальнейшие события показали, что я был абсолютно прав: моё творение очень быстро нашло своего читателя, вернее, даже двух. Ими оказались мои родители. Желая, по-видимому, помочь молодому дарованию в осознании уровня его литературного таланта, они выступили с некоторыми критическими замечаниями, усердно помогая себе жестикуляцией; но если мама размахивала пустыми руками, то у папы в одной из них был ремень.

Аргументы показались мне убедительными, и я оставил литературное творчество на долгие 17 лет. Замечу попутно, что впоследствии ни одному критику больше не удавалось достичь столь впечатляющего результата: даже самые уничижительные их отзывы отбивали меня от литературы дня на два, максимум — на неделю.

В следующий раз я взбодрился на Пегаса, учась на третьем курсе института. Юмористический рассказик на студенческую тему толком никого обидеть не мог, и поэтому его напечатали в газете «Советская молодёжь» (г. Иркутск). По удивительному совпадению номер газеты вышел в день моего рождения; один из гостей принёс его с собой и предъявил всем присутствующим сразу после первого тоста. Благодаря этому событию количество поздравлений резко возросло, потребовало пополнения запасов спиртного, и в результате на следующее утро мы проявляли чудеса изобретательности в поисках денег для преодоления похмельного синдрома. Всё было тщетно, но тут мой друг Саша вспомнил, что у меня есть опубликованный рассказ, следовательно, надо ехать в редакцию и получить за него гонорар. Других вариантов не было, и мы поехали.

«Писательство — выгодное дело!» — решили мои друзья, когда мы с Сашей, вернувшись из редакции, достали из портфеля три бутылки водки

и какую-никакую закуску.

Сам я думал так же, и число новых рассказов множилось с невероятной быстротой, и скорость их написания ограничивалась только скоростью движения ручки по листу бумаги. Словом, всё шло просто замечательно, если не считать одного маленького неудобства: их нигде не печатали. Редакторы всех доступных мне в пространстве изданий с завидным постоянством, достойным лучшего применения, возвращали мои рассказы обратно.

Тогда я понял, что мир ещё интеллектуально не дорос до моего творчества, и бросил писать во второй раз, после чего стал чувствовать себя значительно лучше.

За перо я после этого так и не брался, а, когда наступило следующее обострение заболевания под названием «как же они без моих рассказов», сел за клавиатуру: это был уже 2005-й год. Достаточно бодренько отстучал фантастический рассказ «Альтернативная реальность» и отправил в журнал «Если». Выбор журнала был случаен: увидел его в библиотеке и единственное, что прочитал из всего номера — адрес редакции, по которому следует направлять рукописи. Я и направил.

Дней через пять я строго запретил жене долго болтать с подругами по телефону, потому что, по моим расчётам, рассказ уже в редакции получен,

следовательно, с минуты на минуту жди от них звонка. Жена посмотрела на меня с сомнением, но спорить не стала.

Надо было видеть её лицо, когда уже на следующий день она с ошеломлённым видом подала мне трубку и сказала: «Это звонят тебе. Из Москвы, из журнала».

Звонила редактор Елена Босовская, которая сообщила, что мой рассказ занял первое место в конкурсе «Альтернативная реальность», и просила прислать биографические сведения.

Конкретно на конкурс рассказ я не направлял, но моей победе в нём помогла чистая случайность: название рассказа совпало с названием конкурса, вот его в автомате туда и отправили.

С тех пор и до сего времени я в третий раз писать пока ещё не бросал. Литературная деятельность не стала моей основной работой, но далеко от неё не отхожу и мы уживаемся довольно мирно, не надоедая друг другу.

День, когда перевернулся мир

С начала 149-й серии популярного телесериала прошло уже больше трёх минут, а ещё до сих пор никого не убили, не ограбили и не изнасиловали. Заинтригованный таким неожиданным ходом сюжета, Трофимов включил

погромче звук и стал внимательно наблюдать за событиями.

А на экране происходило что-то непонятное: герои сериала, непомерно суется и стараясь опередить друг друга, совершали добрые поступки. Трофимов, совершенно сбитый с толку, пытался разглядеть в их действиях какой-то коварный умысел, но все его предположения не сбывались. Впрочем, ощущалось, что сбит с толку не он один: актёры тоже чувствовали себя весьма неудобно в столь непривычном амплуа и явно не знали, как себя вести. Так, актёр, игравший главного злодея, переводя старушку через улицу, то и дело срывался на крик, а его рука постоянно дёргалась за пистолетом. Когда же он перевёл её, так и не пристрелив и даже ни разу толком не ударив, старушка неумело принялась его благодарить, по привычке пересыпая слова благодарности отборным матом, из-за чего четырежды пришлось глушить их звуковым сигналом. А главная интриганка, из-за чьих злобных наветов в предыдущих сериях пострадало не менее полусотни человек, в течение двух минут безуспешно пыталась погладить по голове соседского ребёнка.

Не все, правда, актёры выглядели такими растерянными. Жена главного героя, не совершая над собой никаких видимых усилий, заботливым голосом осведомила о здоровье свекрови, а сам

герой, садясь в автобус, так легко и непринуждённо пропустил вперёд пожилую женщину, как будто и в реальной жизни ему уже приходилось такое проделывать.

Не менее странно вели себя и дети. Вместо того, чтобы делать что-то такое, что было бы можно снять на мобильный телефон и выставить в Интернет, они внимательно слушали объяснения учителя и прилежно записывали в тетрадь материал, время от времени задавая разные умные вопросы; а придя из школы домой, целовали родителей и тут же принимались помогать им по хозяйству.

После сорока минут такого просмотра Трофимов почувствовал, что нервы его на исходе, и ему просто необходимо переключиться на какую-нибудь новостную программу, чтобы снова глотнуть реальности и немного передохнуть.

Однако, то, о чём говорили в новостях, было ничуть не лучше. После сюжета об олигархе, который совершенно безвозмездно передал социальным службам города все наряды пяти своих бывших жён, одной настоящей и двух будущих, показали не менее странного типа. Он, будучи крупным муниципальным чиновником, уже сегодня с утра успел отвергнуть пять предложенных ему взяток, из которых только одна была операцией ФСБ, а все остальные — настоящими. Снимали его,

правда, с чёрным прямоугольником на лице и с изменённым голосом, очевидно, для того, чтобы не опознала жена, которую вряд ли могли обрадовать такие незапланированные потери в семейном бюджете.

Не на шутку встревоженный Трофимов нервно защёлкал пультом дистанционного управления, лихорадочно переключая каналы в поисках чего-нибудь родного, привычного: хотя бы малюсенькой, пусть даже не очень кровавой, катастрофы или, на худой конец, просто бытовой драки. Минут через двадцать ему стало совершенно ясно, что между руководством всех телевизионных каналов имеет место быть масштабный сговор, цели которого были Трофимову непонятны и поэтому пугали своими непредсказуемыми последствиями. Всё оставшееся до сна время ему пришлось любоваться на опрятно одетых юношей, которые дарили своим подружкам цветы, читали им стихи и вместо общепринятого «тёлка» говорили: «Любимая»; на предупредительных пассажиров, которые только тем и занимались, что уступали друг другу место в городском транспорте; на честных продавцов, которые категорически отказывались обсчитывать покупателей, несмотря на все их просьбы об этом, и прочее.

Только в одном из сериалов мелькнуло что-то знакомое: банда вооружённых террористов

захватила в заложники всех обитателей дома престарелых. Они продержали их в плену целый месяц и всё это время вкусно кормили и заботливо за ними ухаживали, а на предложения сдаться выдвигали суровое требование: немедленно заменить весь персонал дома, который воровал у стариков продукты и плохо о них заботился. В конце концов власти города вынуждены были пойти на уступки. Террористы немедленно сдались, и их тут же отвезли прямо в здание суда, где за пять минут оправдали, освободили из-под стражи и даже не стали отнимать оружие, а пожелали дальнейших успехов.

Всё это совершенно выбило Трофимова из привычной колеи, и поэтому вместо того, чтобы, как всегда, незаметно уснуть под негромкий звук телевизора, он неожиданно для себя поднялся с дивана, пошёл на кухню и стал помогать жене мыть посуду, а потом сам погладил свою рубашку.

И тут до него дошло, что сделал он это не по собственной воле, а под влиянием телевизионных программ и ощутил в спине неприятный холодок. «Вот она, четвёртая власть! — испуганно подумал он. — Зомбируют, гады!»

Утром он с надеждой включил телевизор, но вчерашний беспредел продолжался, и он, не желая, чтобы телевизионщики вертели им, как марионеткой, поспешно отправился на кухню. Но

оказалось, что те времени не теряли и за один только вчерашний день сумели полностью взять под контроль его жену: вместо того, чтобы молча показать пальцем на приготовленный завтрак, она нежно поцеловала Трофимова и очень мило пролепетала: «С добрым утром, дорогой!»! После этого он в отместку просто был вынужден сказать, что сегодня она выглядит ещё очаровательнее, чем всегда.

Однако всю глубину проведённого зомбирования он осознал в подъезде, когда соседская собака его не облаяла, а начала приветливо вилять хвостом. «Даже животных не пожалели! — ужаснулся он. — Уж хоть бы их-то не трогали!»!

По дороге на работу он со страхом думал: а как, в свете произошедших в сознании людей изменений, сложится сегодня там? Работал Трофимов линейным механиком в автобазе и привык, что на него орут все: и начальство, и шофера, а последние иногда доходили и до рукоприкладства. А вдруг сегодня они начнут разговаривать с ним вежливо и предупредительно? Как ему себя в таком случае вести?

Опасения Трофимова превратились в уверенность, когда он услышал, как живший в соседнем подъезде криминальный авторитет, стоя у машины, отчитывал своего громилу-подручного.

«Что же это Вы, друг мой, — мягко журил он, — за весь вчерашний день не смогли получить деньги ни с одного должника»? Громила виновато ссылаясь на плохую память: мол, забыл, что в таких случаях отрезают — нос или ухо; раньше-то с этим проблемы не было, по телевизору каждый день что-нибудь подходящее показывали, а вчера...». Он тяжело вздохнул. «Э-эх, батенька, — укоризненно покачал головой авторитет, — а Вам не приходило в голову, что можно просто обратиться к совести человека: как же, мол, так, уважаемый? Взяли денежки — извольте вернуть! О процентах не думайте: шеф вчера счётчик обнулil и больше включать не собирается, но уж сколько положено, будьте любезны, отдайте!»

Начальство и точно, повело себя более чем деликатно: «Николай Ильич, милый Вы наш, что-то Вы сегодня маленько опоздали! Ну, ничего, ничего, со всяким бывает! Не расстраивайтесь, идите — и спокойно работайте!» К счастью для Трофимова, ни один из шоферов вчера телевизор не смотрел, поэтому рабочий день прошёл, в целом, неплохо. Уже через пять минут после его начала Трофимов полностью оправился и уверенно материл всех без различия пола и возраста.

Труднее дался обратный переход, но делать его было необходимо, так как люди на улицах наотрез отказывались хамить. Дети с почтением

выслушивали старших, мужчины улыбались и говорили комплименты всем без исключения встреченным женщинам и даже водители не забрызгивали пешеходов грязью, хотя подходящих для этого луж было предостаточно. Всё же к концу пути Трофимов и сам смог втянуться в эту атмосферу доброжелательности, поэтому без оцепенения прореагировал на то, что жена встретила его с улыбкой и снова поцеловала. «Уже второй раз за сегодня», — отметил он.

Порадовал родителей и сын-пятиклассник. Тоже насмотревшись вчера телевизора, он весь день прилежно и активно работал на уроках и в результате этого принёс домой сразу две пятёрки, чего ни разу не случилось с ним за предыдущие семь лет обучения.

Пример сына подействовал на Трофимова самым неожиданным образом: он решил, что обязательно поступит в какой-нибудь институт и окончит его, хотя бы и заочно. Он сел на диван и стал просматривать газету в поисках подходящего. Жена сидела рядом и смотрела по телевизору сериал, где всё происходило абсолютно по-вчерашнему. Время от времени они обнимались и целовались столько раз, что Трофимов даже бросил считать.

Внезапно в телевизоре послышался какой-то треск, и картинка исчезла. Некоторое время экран

оставался пустым, затем что-то замелькало, и появилась заставка «Новости. Чрезвычайный выпуск».

Появившийся на экране диктор был очень суров. Суровым же тоном он пояснил, что только что была обнаружена и арестована крупная международная преступная организация, в состав которой входили инженеры-радиотехники самой высокой квалификации. Им удалось подключиться к спутниковой связи, переключить на себя все каналы и удерживать их более суток, транслируя свои, заранее подготовленные передачи. К настоящему моменту почти все члены банды задержаны и вскоре предстанут перед судом.

На этом новости закончились, и сразу же начался художественный фильм, уже в начальных кадрах которого кому-то методично и неторопливо стали отрезать голову кухонным ножом. Делали это минут десять, и всё это время камера охотно и в подробностях демонстрировала происходящее, в особо интересных местах давая замедленные повторы.

Трофимов забросил справочник в угол и увлечённо погрузился в привычное зрелище. Иногда его мысли возвращались к членам неизвестной организации. «Не вышло у вас, голубчики! — насмешливо думал он. — Хотели нас на свой манер перекроить? Марионеток из нас

сделать задумали! Как бы не так! Мы — свободные люди, и это уже навсегда!»!

Перед сном он подошёл к окну и выглянул во двор, немного опасаясь, что ещё не все граждане смогли очнуться от преступного гипноза, и мир уже никогда не будет таким, как раньше. То, что он увидел и услышал, его сразу же успокоило: где-то невдалеке рванула граната и слышались автоматные очереди; в углу двора, возле трансформаторной будки, подростки избивали прохожего, а в самом подъезде истошно завопила женщина, которую, очевидно, грабили. Всё вернулось на круги своя!

Радостно улыбнувшись, Трофимов прилёг на диван и вскоре задремал под негромкий звук телевизора. И даже то, что на кухне гремела посудой жена, не помешало ему быстро заснуть.

Любовь и Жертва

(подражание О.Генри)

Ромео ради любви готов был отказаться даже от своего имени. Голливудский актёр Рассел Кроу пожертвовал карьерой и миллионными гонорарами, чтобы всё время находиться рядом с возлюбленной. Эти имена на слуху, и их пример, конечно,

впечатляет. Но Любовь — богиня очень демократичная, и жертвы людей не столь богатых и знаменитых значат для неё ничуть не меньше.

Сид и Джулия были женаты уже почти три года. Вполне достаточный срок убедиться, что вечно хрупкая лодочка Любви не разбилась вдребезги об огромный трансконтинентальный лайнер Быта, а, попав в его струю, плывёт себе рядом, лишь изредка испытывая лёгкие бортовые удары.

Джулия оказалась неплохой хозяйкой. Почти всегда с первой же попытки она могла поджарить яичницу или даже колбасу, а Сид, погнув всего два гвоздя, уверенно вбивал в стену третий, причём, настолько прочно, что тот редко вываливался сразу же, даже если на него что-нибудь повесить — не слишком тяжёлое, конечно.

Надо сказать, что не очень-то они и стремились вкушать изысканные блюда или уставить две свои крохотные съёмные комнатки красивой мебелью. И не только потому, что у них не было для этого денег. Сид и Джулия были людьми творческими, и именно с Творчеством связывали все свои надежды и устремления. Он заканчивал свой первый, совершенно грандиозный роман, а она, коротая время в ожидании вот-вот готовых свалиться на неё выгодных заказов, оттачивала своё мастерство книжного

иллюстратора. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы делать иллюстрации для романа Сида! Каждый из них должен идти в Искусстве своей дорогой — так они решили сразу же после того, как поженились. Точнее, так решил Сид.

— Малышка, — сказал он, — я — писатель, ты — художник, вроде бы, само собой напрашивается, что мы должны работать в паре. Но этого делать нельзя. Вот, скажем, выйдет моя книга с твоими иллюстрациями, и ты будешь думать, что пробилась только благодаря мне, а это может лишить тебя уверенности в своих силах. Но когда-нибудь потом, когда каждый из нас сделает себе имя, мы обязательно объединим наши таланты.

Джулия не имела ничего против того, чтобы пробиться благодаря Сиду. Но она охотно и даже горячо с ним согласилась. Любая умная женщина сделает так. Она не знает, почему, но знает, что так надо. А Джулия, несомненно, была умной женщиной: разве вы встречали когда-нибудь глупого художника?

Остаётся только сказать, на что же они жили, ибо Искусство имеет обыкновение кормить только уже признанных мастеров, а новичков — даже амбициозных — допускает к себе только после того, как они поели где-нибудь на стороне. С этой целью Джулия давала уроки рисования, а Сид хватался за любой случайный заработок. Надо

признать, что им не пришлось бы жаловаться на недостаток денег, если бы именно эти виды деятельности были их основной работой. Джулия легко входила в контакт с детьми, а её приятная внешность располагала к ней и родителей; Сид же очень быстро сделался настоящим асом в погрузке и выгрузке ящиков с товарами, и его охотно нанимали в любом магазине. Но не очень-то их это радовало, ибо стремились они совсем к другому: Джулия размещала объявления с предложением услуг по оформлению книг, а Сид бегал по издательствам, просиживая в них часами в тщетной попытке обратить на себя внимание редактора.

Отношение со стороны последних к очередному новоиспечённому литературному гению общеизвестно. Если вы, начинающий писатель, пришли в издательство, а редактор встречает вас с распростёртыми объятиями и говорит, что ваша рукопись — чудо, и он немедленно издаёт её громадным тиражом, призовите на помощь весь свой здравый смысл, твёрдо заявите, что прекрасно понимаете, что никакой он не издатель, а врач психиатрической клиники, и он, возможно, решит, что лечение проходит успешно, и вас пора выписывать.

Сиду пока все редакторы попадались настоящие, поэтому ни о каких изданиях и тиражах речи не заходило.

И всё же иногда бывает, что госпожа Удача — особа крайне капризная, взбалмошная и эксцентричная — вдруг подкидывает вам и приятный сюрприз. Просто для того, чтобы лишний раз намекнуть на свою непредсказуемость.

Случилось так, что маститый и успешный писатель Барни Хауер повздорил с редактором издательства «Будни Мельпомены» Джеффом Макдауэлом и лишил его своего очередного романа, злорадно предложив попробовать возвратить через суд выданный ранее аванс. С отчаяния Джефф полез в мусорный бак, где у него хранились рукописи начинающих авторов, вытащил ту, что лежала в самом верху (это оказался роман Сиды) и погрузился в чтение, вскользь про себя отметив, что первые восемь строк ему будто бы уже знакомы.

На следующий день Сид, в очередной раз забежавший посидеть в коридоре издательства, сделать этого не смог, потому что секретарша редактора, приветливо и даже как-то по-свойски улыбаясь, пригласила его к шефу. И уж совершенно ошеломляющим было то, что редактор выскочил из-за стола, поздоровался с Сидом за руку, предложил расположиться в кресле и угостил сигаретой. Сид заподозрил, что всё это неспроста, что тут же и подтвердилось. В своей горячей речи редактор похвалил его самого и его роман,

определил роль и значение Сида в мировой литературе, выразил уверенность в будущем с ним сотрудничестве, которое, впрочем, лично он готов уже начать прямо сейчас, опубликовав роман весьма значительным тиражом. Будучи человеком честным и объективным, редактор признал, что роман другого начинающего автора, Джона Брукса (оказавшийся в баке вторым сверху), вряд ли слабее, и он, редактор, колебался в выборе, но всё же сделал его в пользу Сида. В заключение своей пламенной тирады он предложил немедленно приступить к работе с художником издательства, от себя присовокупив, что договор будет составлен уже на этой неделе.

— А могу я сам найти себе художника? — спросил Сид, о чём-то усиленно размышляя.

— Ну, если его уровень достаточен... Пусть принесёт пару своих работ, а там решим.

Будь мы с вами на месте Сида, мы бы, конечно, выйдя от редактора, громко закричали на всю улицу или пустились в пляс. Такое поведение было бы вполне логичным, поэтому нам абсолютно непонятно, почему Сид не проделал всё вышеперечисленное, а, собрав на лбу не меньше десятка морщин, направился в сквер, где уселся на скамью в глубоком раздумье.

По странному совпадению, и Джулия в этот день находилась в схожем состоянии. Она сидела

дома и грустно размышляла, что, вот, сегодня годовщина свадьбы — три года! — и хорошо бы сделать Сиду какой-то полезный и функциональный подарок. Про новый компьютер, разумеется, и речи нет, но хотя бы купить новую клавиатуру вместо старой, с наполовину стёршимися буквами. Ещё утром это казалось вполне осуществимым — ведь семья Андерсенов отдаст ей сегодня плату за обучение дочери, — но всё рассеялось в дым, когда миссис Андерсен, краснея и извиняясь, попросила отсрочить это до завтра.

— Конечно, конечно, ничего страшного, — пробормотала Джулия, мысленно проклиная себя, что не может твёрдо и настойчиво заявить, что деньги ей просто необходимы и именно сегодня.

Говорят, уровень благосостояния семьи исчисляется количеством вещей, которые можно быстро продать, не понеся при этом существенных убытков. Мысленно попробовав продать что-либо из своих украшений, Джулия сделала правильный вывод об их с Сидом благосостоянии. Она уже приготовилась расплакаться, но тут зазвонил телефон. Может, это Андерсены, и сейчас скажут, что могут заплатить сегодня?

Но мужской голос в трубке был Джулии не знаком, и поначалу она решила, что кто-то ошибся номером. Однако мужчина спросил именно её, а

разговор пошёл так, что она с трудом верила своим ушам.

— Миссис Джулия, мне довелось видеть ваши работы... Понимаете, я — писатель, и в ближайшее время в издательстве «Будни Мельпомены» выйдет мой роман. Не согласились бы вы взяться за его оформление?

Вот это да! Джулия уже готова была проверещать «Да, да, да!», но тут её сразила очень неприятная мысль. А как же Сид? Она знает, что такое мужское самолюбие! Как перенесёт Сид тот факт, что она раньше него сделает себе имя в Искусстве?

Кто сказал, что только мужчинам свойственно самопожертвование? Любящая женщина способна в этом подняться до таких высот (или опуститься до таких глубин), что ни одному мужчине и не снилось. Достаточно твёрдым голосом и как бы находясь совсем в другом мире, она сказала, что ей это предложение очень приятно, но, к сожалению, вынуждена отказаться, так как серьёзно занята чрезвычайно важным проектом.

После этого, не дожидаясь ответа, положила трубку и сделала вторую попытку расплакаться.

И снова ей этого не дали. Опять зазвонил телефон, и на этот раз действительно мистер Андерсен после сотни извинений сказал, что готов заехать к ней домой и привезти плату за обучение.

Джулия вытерла так и не успевшие прорваться слёзы и улыбнулась. Будет у Сиды новая клавиатура!

Здесь вполне можно было бы поставить точку в этой истории. Добавить только, что вечером пришёл Сид и принёс свой подарок: набор чудесных оформительских кистей! Чего же ещё? Наши герои поступили очень симпатично: Джулия пожертвовала своим успехом ради любимого, а Сид не забыл, что сегодня — годовщина свадьбы. Для мужчины это уже немало!

Но что-то подсказывает мне, что для знания полной истины нам необходимо послушать один разговор, который произошёл несколькими часами ранее вот в этом кафе. За столиком сидят двое мужчин, и один из них — Сид. Как раз он и говорит что-то:

— Джон, я разыскал вас для того, чтобы сделать одно предложение. Я только что от редактора «Будней». Он сказал, что долго делал выбор между моим и вашим романом и сделал его в пользу моего. Словом, если я по каким-то причинам откажусь, издадут именно ваш. И я готов сделать это — но при одном условии: для оформления книги вы пригласите мою жену. Поверьте, вы не пожалеете. А если её работу отвергнет редактор — наша сделка остаётся в силе. И пусть вас не мучает мысль, честно ли это. Я ведь сам хочу, чтобы было

так. Согласны?

Отметим ещё восторг и горячую благодарность Джона Брукса и поставим, наконец, точку. Дальше всё ясно. Если люди так любят друг друга, удача и успех к ним обязательно придут. Должна же в этом мире быть справедливость?

Даёшь МиГ-29!

Собрались мы в цеху на перекур. Не только перекуриваем, но и попутно производственные вопросы решаем. Токарь Валера орёт на наладчика Федю, что тот ему фрикцион слабо подтянул; слесарь Михалыч кричит инструментальщику Сергуне, чтобы тот ему новое полотно для ножовки выдал; ученик электрика Сашка втолковывает мастеру Виталию Палычу, что надо сделать, чтобы производительность труда поднять, уборщица Татьяна рычит на всех, чтобы окурки на пол не бросали, а моторист Семёныч сказал, что надо бы выпить. И что интересно: Валера, Михалыч, Сашка и Татьяна изо всех сил орали, чтобы других перекричать; соответственно Федя, Сергуня, Виталий Палыч и все мы на уши показывали — мол, ничего не слышно, — а Семёныч потихоньку сказал, но его все услышали. И, конечно, сразу согласились. И на меня посмотрели. Понятное дело: как-то так сложилось, что когда речь о выпивке

заходит, именно я иду начальника приглашать. Я спорить не стал — традиция есть традиция — поднялся и пошёл.

Вот вы, наверное, сейчас думаете: ну, и начальничек у них! С рабочими пьянствует! И будете неправы. Что там скрывать, бывают такие начальники, которые именно так и делают и тем самым роняют свой авторитет и нарушают производственную дисциплину. Наш не такой. У него даже, если хотите знать, на столе в кабинете под стеклом лист А4 лежит, а на нём в альбомном формате крупными буквами написано: «Не пей с подчинёнными!» Это он сам на компьютере набрал и на цветном принтере отпечатал, чтобы всегда перед глазами было. Вроде памятки, в общем. Поэтому когда я к нему прихожу и говорю: «Иваныч, мы тут выпить собираемся, ты с нами будешь?», он молча стекло поднимает, лист обратной стороной переворачивает и только после этого спрашивает: «По сколько сбрасываемся?»

Но в этот день он, похоже, не в духе был. Сразу бурчать начал: «И что за рабочие у меня? Даже выпить — и то без начальства не могут!»

— Ну, скажи честно: не можете ведь? — торжествующе спрашивает он меня.

— Не можем, — признался я. — А как мы без тебя выпьем, если ты зарплату пятый месяц не платишь? Вот нам и приходится в бухгалтерии

аванс просить. А бухгалтерша без твоей подписи в приказе ничего не даст.

Но он из моей фразы только первые два слова услышал, улыбнулся довольно и приказ подписал. Ну и, конечно, столярник из кармана достал и мне подал. Ему-то аванс не нужен.

Вышел я из его кабинета, подошёл к бухгалтерии, и тут-то до меня дошло, что в бухгалтерию надо было кого-то другого послать. Потому что наша бухгалтерша Клавдия Петровна меня очень не любит. Всех мужиков любит (она до сих пор не замужем), а меня — нет. Раньше она и меня любила, а неделю назад перестала. А потому что случай такой был.

Не так давно выяснилось, что на нашем малюсеньком заводике есть профсоюзная организация, и мы все — её члены. А члены профсоюза должны взносы платить. А как мы их будем платить, если нам зарплату не дают? Вот наш профорг, эта же самая Клавдия Петровна, и заставила всех писать заявления, чтобы профвзносы у нас из зарплаты высчитывали. Все безропотно написали, один я под всякими предложениями три месяца от этого удачно увильнул. А неделю назад и я попался. Во всём телевидение виновато: в программе «Доброе утро!» показали мой гороскоп на день, а там сказано: «Вас ожидают крупные финансовые пополнения». Поэтому когда

секретарша ко мне подошла и сказала, что меня в бухгалтерию зовут, я, как дурак, и помчался. Только я туда вошёл, наша кассирша Вера Львовна из-за стола выскочила и в дверях встала. А уж мимо неё не проскочишь! Я даже и не пытался. А Клавдия Петровна говорит: хватит тянуть волынку, давай пиши заявление. Я, правда, попытался отговориться, но как-то без энтузиазма, без огонька. Потому что понимал: шансов у меня — никаких. Да я, говорю, не знаю, как его писать.

— Ничего, — говорит Клавдия Петровна, — вот тебе заявление твоего напарника Бунина, пиши всё, как у него, только в шапке, естественно, свою фамилию поставь.

Ну, написал я шапку заявления, стал уныло читать дальше: «Прошу высчитывать мои профсоюзные взносы из моей зарплаты», — и тут меня осенило. Ах, так, думаю, значит, всё, как у него? Ладно! И написал: «Прошу высчитывать мои профсоюзные взносы из зарплаты Бунина». Расписался и ей подал. Она до того обрадовалась, что, наконец-то, из меня заявление выбила, что даже читать не стала, а в общую папку сверху положила.

А на следующий день у них ревизия была. И, конечно, комиссия её отчитала за то, что одно заявление не совсем правильно написано. И в акте проверки это указали. Вот она меня и невзлюбила.

Что же, думаю, теперь делать-то? Не даст она мне денег, из вреда не даст. А я из-за этого перед мужиками опозорюсь. Но ничего, выкрутился. Сказал, что Семёныч с женой на развод подали, вот он и хочет это событие отпраздновать. Клавдия Петровна без звука всю сумму отсчитала и сказала, что на святое дело ничего не жалко.

Собрались мы, как всегда, за столом в раскомандировке. Водку в стаканы налили, закуску порезали — тут и начальник подошёл. А следом за ним и Клавдия Петровна явилась. Семёныча по голове погладила и рядом с ним села. Она, оказывается, на свои деньги бутылку коньяку купила, но наливала из неё только Семёнычу.

Вначале, как обычно, анекдоты рассказывали, но потом разговор серьёзный пошёл. Начальник сказал, что, вроде бы, иногда даже работаем, а выручки почти никакой не получаем, а скоро вообще обанкротимся. А всё потому, что ерундой занимаемся: тракторы и бульдозеры ремонтируем, а их в городе всего несколько штук. Надо бы за что-то выгодное взяться, да вот за что?

Тут ученик Сашка и ляпнул: надо, мол, МиГи двадцать девятые делать, он сам по телевизору видел, что чуть ли не все иностранные государства за ними прямо в очередь выстраиваются. Мы, конечно, рассмеялись: всю жизнь тракторами занимаемся, и то не выпускаем, а только